

а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчевалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ,—это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣднiяго его вопли, никто не напечатлѣтъ въ своей памяти послѣднiяго его взгляда, послѣднiяго судорожнаго движенiя—кромѣ меня... Онъ мой... и купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченiе коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможные чувства, чтобъ подъ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенiя... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшою гремучей ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчанiемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался позади небольшого сада, господскiй домъ съ многочисленными службами... онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу. Вадимъ перешелъ по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рабиновыми кустами. Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ огню, плотно закрытому ставнемъ.

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противъ всѣхъ земныхъ несчастiй, въ эту минуту сильно забилося, какъ орелъ въ желѣзной клеткѣ при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если бъ среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ:—спи, безумное! спи... твоя пора пришла или еще не настала! Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори... и онъ, задержавъ дыханiе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай, мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ, если бъ на этомъ порогѣ было написано судьбою: *смерть*, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣченъ среди общаго волненiя...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветь меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Миръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества... зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ провидѣнiе не достигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокiй! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай!.. черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли, и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающiй оврагъ, и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ вошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился: на полу стоялъ фонарь, и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ, Ольга!

Убийственная мысль, какъ молнiя, озарила умъ блѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновенiе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянiя, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ, и сжатые губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ провидѣнiю. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающiй пламень отарка сквозь зеленые стекла слабо озарялъ нижнiя части лица блѣдной дѣвушки: ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ извѣстельнымъ выраженiемъ очей, какъ раскаянiе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положенiи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?..

— Еще?.. а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?—говори, Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя принести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?..